

последовательно: здесь в сущности читается не один рассказ об этом событии, а два рассказа, соединенные вместе (и, кроме того, еще послание Вассиана на Угру), заимствованные из протографа Типографской летописи.¹ Второй рассказ, читавшийся, возможно, в своде 1488 года, первоначально гораздо резче критикует великого князя, чем рассказ Типографской (Иван III не слушался Вассиана, а слушался своих злых советников; он жил вне Москвы, боясь своих собственных граждан); обвинение в трусовом поведении во время татарских нашествий распространяется здесь не только на Ивана III, но и на его предков; решающая роль в событиях 1480 года приписывается братьям великого князя, добившимся от Ивана III обязательства не „чинить силы над ними“ и пришедшим после этого к нему на помощь (рассказ, прямо перекликающийся с приводимыми в Софийской, II—Львовской выше словами князя Бориса о „силе“, которую „чинил над ними“ Иван).² Соединение этого рассказа с рассказом Типографской привело к явным нелепостям и дублировкам текста (две поездки Ивана III в Москву и т. д.).

Таким образом, мы можем говорить, для конца XV века по крайней мере, о трех неофициальных общерусских сводах:³ о независимом, но не враждебном великокняжеской власти ростовском своде, отразившемся в Типографской, о более оппозиционном по своему характеру своде, легшем в основу Ермолинской, Новгородской по Хронографическому списку и других летописей, и, наконец, о резко враждебном великому князю промитрополичьем своде, получившем отражение в Софийской II и Львовской летописях. Существование в конце XV века столь различных по своему характеру неофициальных общерусских летописей (наряду с официальной) свидетельствует о сложном и противоречивом характере феодальной идеологии того времени: сразу же после образования Русского централизованного государства внутри правящего класса этого государства обнаруживаются серьезные разногласия. Однако существование независимого летописания внутри централизованного государства не могло быть непрерывным и длительным. Ни одна из разобранных летописей не просуществовала до конца XV века. На 1473 году прекращается совпадение между Ермолинской, с одной стороны, и Новг. Хрон. и сходными с ней летописями — с другой; здесь кончается, как мы можем предполагать, общий источник, лежавший в основе этих летописей. 6992 (1484) годом завершается протограф основного текста Типографской летописи. На 1488 году, как мы указывали, прерываются известия промитрополичьего оппозиционного источника Софийской II—Львовской. В Ермолинской летописи после 1473 года читаются лишь краткие приписки к основному тексту.

¹ А. А. Шахматов. Обзорение... стр. 297, примеч. 3. Из протографа Типографской заимствован, очевидно, рассказ об Угре и в Воскресенской летописи (там же, стр. 295—296).

² ПСРЛ, VI, стр. 231; XX, стр. 346. Кем и когда составлен второй рассказ Софийской II—Львовской — сказать трудно. В 1941 году автором настоящей статьи было высказано предположение о тверском происхождении этого рассказа (Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы при Иване III. Уч. зап. ЛГУ, № 80, стр. 85, примеч. 1). В настоящее время нам представляется более вероятным, что рассказ этот (судя по его тенденциям) — органическая часть промитрополичьего свода 1488 года, лежащего в основе Софийской II—Львовской летописей.

³ Мы не касаемся здесь сводов, содержащих важные известия по русской истории, но в основной своей части местных, как, например, Устюжского свода (Устюжский летописный свод. М., 1950), Вологодско-Пермской летописи и т. д. О Вологодско-Пермской летописи см. стр. 178 настоящей статьи.